

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

ТИШРЕЙ-ХЕШВАН 5769

ПЕТРОЗАВОДСК
N 123

ОКТАБРЬ 2008

МИССИЯ В ЮЖНУЮ ОСЕТИЮ

15 - 16 сентября в Республику Северная Осетия-Алания и в Южную Осетию совершила поездку совместная делегация представителей Московского бюро по правам человека и Всемирного конгресса русскоязычного еврейства. В состав делегации от Российской Федерации вошли: директор Московского бюро по правам человека, член общественной палаты РФ Александр Брод; председатель Региональной еврейской национально-культурной автономии Республики Карелия Дмитрий Цвибель; руководитель отдела по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными

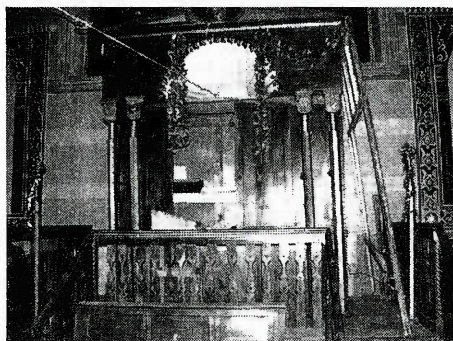
Первым пунктом двухдневного пребывания совместной делегации стало посещение Мемориального кладбища в Беслане - члены делегации возложили цветы и по-

в районе синагоги, делились своими бедами, просили помощи, прежде всего, моральной.

Для Элиона Виленчика этот визит имел особое значение - он до репатриации в Израиль пятнадцать лет назад был председателем общины Цхинвали и на улицах города встретил много знакомых. Здесь похоронены его дед, отец, другие родственники. Члены делегации посетили кладбище, и раввин Алексей Гуревич прочитал поминальную молитву.

Пресс-конференция

В разрушенной синагоге

чтили память жертв террористического акта 1 - 3 сентября 2004 года. В Цхинвали представители МБПЧ и Всемирного конгресса русскоязычного еврейства провели встречу с президентом республики Эдуардом Кокойты, который затем сопровождал делегацию при посещении разрушенного еврейского квартала, расположенного в цент-

Эдуард Кокойты

ми структурами ФЕОР Алексей Гуревич. От Федеративной Республики Германии - член Совета континентальных секций Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Марина Яловая, от Великобритании - председатель правления русской ассоциации иммигрантов Наталья Николаева, от Израиля - исполнительный директор израильского форума Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Элион Виленчик; журналист Дмитрий Валерштейн. Соединенные Штаты Аме-

Элион Виленчик

При посещении разрушенной синагоги Дмитрий Цвибель протрубил в шофар и возложил землю Израиля на биму в память об исчезнувшей еврейской общине, просуществовавшей в этих местах, по крайней мере, более тысячи лет.

По возвращении в Москву в информационном агентстве РИА Новости прошла пресс-конференция по итогам миссии.

Памяти жертв Беслана

ре столицы Южной Осетии. (В 1917 году еврейское население Цхинвали составляло 48,4 %, от общего населения города, было 6 синагог. При советской власти 5 синагог закрыли, 9 раввинов расстреляли. К 1970 году евреи составляли - 25%, началась алия. Сейчас остались 7 человек.) Жители, узнавшие о прибытии делегации, собрались

Александр Брод

Одна из последних евреек Цхинвали

рики представляли: исполнительный директор американского форума Всемирного конгресса русскоязычного еврейства Леонид Бард; член правления Всемирного конгресса горских евреев Светлана Данилова. Во Владикавказе делегацию встретил председатель еврейской общины города Марк Петрушанский.

Эта поездка состоялась по инициативе Президента ВКРЕ Бориса Шлигеля, чтобы получить достоверную информацию о положении в Южной Осетии "из первых рук" и донести эту информацию до мирового сообщества.

Бен Гирш

БЕСЕДА 4. Яков Штейнберг.

Здравствуйте, дорогие радиослушатели. Наша последняя беседа была посвящена творчеству Хаима Нахмана Бялика, а сегодня мы начинаем разговор о представителях следующего, более молодого литературного поколения - о тех еврейских авторах, которых принято называть "бяликовской плеядой". Это название неслучайно. Поэтами плеяды, как известно, называли группу французских поэтов 16 века, Ронсара, Дю Белле и других, которые стояли у истоков национальной литературы эпохи Ренессанса, способствовали развитию французского языка и основали на нем античные литературные жанры. Аналогично еврейские писатели и поэты "бяликовской плеяды", совместно с обоями мэтрами - Шаулом Черниковским и Хаимом Нахманом Бяликом - создали ивритскую поэзию и прозу эпохи "еврейского национального возрождения". Речь условно идет о периоде с 1891 по 1920 год, когда на литературную арену вышли новые молодые авторы со своими стилями, темами и манифестами. Следует, однако, помнить, что литераторы "бяликовской плеяды" продолжали писать и имели свой круг читателей в течение еще как минимум трех десятилетий.

Назую их имена: это Заиман Шнейер, Яков Штейнберг, Яков Фихман, Давид Шимони, а также ставшие несколько особняком Иосиф Хаим Бреннер, Гершон Шофман и Ури Нисан Гесни. Все они родились в первой половине 80-х годов 19 века и на себе испытали то, что принято называть "ломкой традиционного еврейского уклада". Выходя из религиозных семей, эти мальчики рано устремились во внешний мир, не видя для себя места в извечном патриархальном строе еврейской жизни, регламентированном мудрешами Мишны: "в пять лет - Писание, в десять лет - Мишна, в тринадцать - заповеди, в пятнадцать - Талмуд, в восемнадцать - под свадебный балахин" (Авот, 5, 21). Обладая недожизненными интеллектуальными способностями, они не хотели быть мелемедями или раввинами, не хотели торговать или проводить всю жизнь над Святыми книгами. Мало кто из них встретил понимание со стороны родителей, в 14-16 лет они ушли "в люди", терпели голод, холод и унижение, зарабатывая уроками иврита и тех еврейских знаний, которые необходимы для подготовки мальчиков к бар-мишве. И все это - ради того, чтобы выучить русский язык и с его помощью приобщиться к универсальной культуре. Они надели европейское платье, ходили с непокрытой головой, и если кто-то из них не сбрасывал бороду или усы, то лишь в угоду моде. Почти все они жили какое-то время в Европе, почти все являлись немцами, а часто и французским, и были весьма образованы, однако каждый с очевидностью ощущал, что ему нет места среди неевреев, и раз и навсегда обратился к национальной культуре, даже если за этим решением стояли горечь, боль и обида.

Под впечатлением собственной молодости эти писатели создали в ивритской литературе образ "лишнего человека", который, не имея, подобно героям русской классики, дворянского звания, чинов и поместий, мучительно проходил свой жизненный путь и фатально не умел вписаться ни в еврейское, ни в какое-либо иное общество. Этот национальный литературный персонаж с легкой руки Берковича получил прозвание "талуш" - так в языке Мишны обозначается сорванный с бахи овощ. На формирование образа "талуша" в некоторой степени повлияли лермонтовские строки из знаменитой "Думы" ("Печально я гляжу на наше поколение..."). Так тощий плод, до времени созрелый, / Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз, / Висит между цветов, пришел осиротелый, / И час их красоты - его падения час! Да, рано созревшее поколение "бяликовской плеяды" слишком часто ощущало себя сиротливыми пришельцами, гостями на празднике чуждом, но - в отличие от лермонтовских тощих плодов - его плоды были обильны и составили прочный фундамент современной израильской литературы.

К обрисованному мною коллективному портрету добавлю несколько штрихов, поясняющих определение "бяликовская плеяда". Дело в том, что дом Бялика в Одессе (напомним, что речь идет о 1900-1921 годах) был всегда открыт для начинающих еврейских писателей. Бялик помнил свое первое робкое появление у Ахад а-Ама и, будучи человеком гораздо более эмоциональным, бурно радовался любым проблескам таланта, ободрял, наставлял, а потом следил за успехами своих питомцев, и когда заведовал художественным отделом журнала "ha-Shiloah", публиковал их произведения. Разлетаясь по миру, они сообщали ему о прилетьях своей судьбы, советовались, обсуждали свои и чужие произведения. В то же время не следует идеализировать отношение Бялика к молодым авторам: нередко он не понимал их эстетики и, не желая рисковать, откладывал рукописи "в долгий ящик".

Теперь пора подробнее остановиться на конкретных писателях, и я предлагаю начать с Якова Штейнберга, или как ния его произносят в Израиле - Якова Штайнберга. Он не любил говорить о себе, и биографические сведения, которыми мы располагаем, скудны. Яков Штейнберг родился в сентябре 1887 года в городке Беляя Церковь, неподалеку от Киева. Учился в хедере и нешине. Ему не было и 14 лет, когда он нарочьт рассорился с отцом и ушел из дома. Точной причины раздора мы не знаем, но по некоторым намекам писателя можно представить дело так: мальчик взял у приятеля ивритскую книжку писателя-мастера, который крайне язвительно отзывался о хасидах, а отец, завста сына за чтением сей "непогрешной" книжки, в гневе принудил врать ему и топтать. Так или иначе Штейнберг оказался один в большом мире и направился в Одессу, к Бялику. В Одессе он пробыл чуть более двух лет, освоил русский и немецкий языки и, с благословения Бялика, вступил на литературное поприще - в Варшаве.

Тут необходимо снова сделать отступление и напомнить несколько фактов о тогдашней Варшаве. Во-первых, Варшава вплоть до конца Первой мировой войны была частью Российской империи, а потом России. Во-вторых, до конца 1920-х годов Варшава

Цикл радиолекций "Российские евреи - ивритские писатели" Д-р Зоя Конельман (Иерусалим)

была крупнейшим еврейским литературным центром. Это выражалось в обилии выходивших там еврейских газет и журналов разного толка, в существовании нескольких еврейских типографий и книгоиздательства, главным из которых было богатое и чрезвычайно продуктивное издательство "Тушия" (что в переводе с иврита означает "мудрость"), печатавшее современную ивритскую беллетристику и переводы мировой литературы на иврит. Не менее важным было и присутствие широкого круга еврейских писателей, идущих и ивритских, самой яркой и колоритной фигурой среди которых был Ицхок Лейбуш Перец (он умер в 1915 году), а самым авторитетным критиком - Давид Фришман (умер в 1922). И вот в это оживленнейшее в культурном отношении место попал Яков Штейнберг, начинающий поэт, и немедленно начал работать в редакциях газет - корректором, редактором новостей, переводчиком.

Первая русская революция 1906-1907 годов, как известно, сопровождалась погромами и антисемитскими выступлениями. Российское еврейство было крайне подавлено, культурная жизнь его замерла. Закрылись издательства и типографии, некоторые были разгромлены. Многим стало не до книг. В это тяжелое время Штейнберг впервые навестил родителей. Положение еврейской культуры в Киеве и Вильне, где он тогда побывал, казалось столь безрадужным, что надлежало искать нелитературные средства к жизни. Штейнберг поехал в Швейцарию с намерением получить диплом врача, слушал лекции по медицине в университетах Берна и Лозанны, но понял, что это не его стезя, и по стопам Черниковского не пошел. В 1909 году он вернулся в еврейскую Варшаву, где началось некоторое оживление, и с тех пор уже исключительно литературным и околлитературным трудом.

Поняв Яков Штейнберг был двуязычным писателем, причем лирические стихи писал на иврите, а на идише опубликовывал большую и очень пессимистическую поэму "Русланд" (1914) и печатал в основном рассказы. В 1914 году Штейнберг переехал в Палестину и тут принципиально оставил идиш и перешел на иврит. 1921-23 годы он провел в Берлине (о русско-еврейском Берлине я упоминала в связи с Бяликом и библейским изданием собрания его сочинений), там познакомился с сестрой Хаима Арлозорова Лизой, которая стала его женой.

Напомним, что Хаим Арлозоров (1899-1933), один из лидеров рабочего сионистского движения, был застрелен во время прогулки на берегу моря в Тель-Авиве. Невыясненные обстоятельства его трагической смерти послужили предлогом для широкой кампании по дискредитации сионистов-ревизионистов, как в ишуве, так и за его пределами. Однако в 1934-35 годах вышло семитомное собрание сочинений Арлозорова, которое Яков Штейнберг подготовил к печати.

Яков Штейнберг был резким, жестким человеком. Даже ранняя его лирика нередко окрашена сарказмом. Но часто она трогает беспомощной растерянностью, как в стихотворении 1904 года "Мои томины" в русском переводе Осина Румера (обратите внимание на пушкинскую интонацию стихотворения и использованные переводчиком пушкинские словосочетания - они не случайны в этих стихах):

Томленьими душа моя пошла!
Брожу ли я по шумным стогам града,
Еле жалкое людей толпится стадо,
Иль ночи дома проложу без сна,
Когда, как мать, ласкает тишина,
Всегда, везде со мной мои томленья:
Мне неземные грезится селенья,
И я с тоской гляжу на все пути,
В раздумье, по какому мне идти,
Какой сулит мечтаньям воплощенье...
Есть, есть иная жизнь! Поружу - сон.
Не здесь, так есть она в ином придеде,
Не ныне, так придет она... Ужели
Мой сон - обман? Тогда откуда он?
Кто душу мне воспламенил томленьем,
Зачем на человека с возмущеньем
И в то же время с нежностью гляжу?
Кто для меня облек его красую,
Чтоб ангелом предстал передо мной?
Я в поисках по всем путям брожу,
И вера в жизнь - моя звезда в пустыне
Моих томлений и моих уныний.

Лирический герой этого стихотворения - типичный "талуш", оторванный от корней и всюду чужой. Более того, первый поэтический сборник Штейнберга так и назывался "Одиночество" (1906).

Штейнберг-прозаик предпочитал жанр короткой новеллы. Кажется, автор пристально всматривается в своих персонажей, желая выявить - отчего они так слабы, одиноки, несчастны. Отчего жизнь их не любит, и стоит блеснуть лучику надежды, как во мгле окружающего мира непременно проступят такие обстоятельства, что сделать счастье невозможным. В новеллах Штейнберга много точных выразительных деталей, разобранные по тексту произведения, они заменяют многословные описания: несколько строчек, и читатель сам домысливает недостающие подробности.

Штейнберг чуток к красоте природы, но одновременно чувствует странное отчуждение от этой красоты, словно некий внутренний голос внушает ему: это не твоё, ты тут лишний. В еврейском сознании прошлого природа традиционно противопоставит Книге, отвлечает от Учения, размыкает замкнутый мир "четырёх локтей галахи". Это противопоставление нашло отражение еще в прозе Менделе Мойер-Сформы, в поэзии Бялика. Удивительно, что у светского писателя Якова Штейнберга, сформированного в иной куль-

турной ситуации, природа по-прежнему выступает как чуждое, если не прямо враждебное, еврейскому жизненному порядку начало.

Сошлюсь на рассказ "Дочь раввина", где главная героиня - засидевшаяся в девушках дочь раввина Сара - находит, наконец, жениха. Описание мертваго холода и белого безмолвия лунной зимней ночи за окном зловеще-контрастно оттеняет жар в натоленно горнице и в молодых девушке и юноше, сменяемых эротическим влечением друг к другу. Логика композиции рассказа требует связать эту пейзажную врезку с запретной близостью между Сарой и Берлом - близостью, которая привела героиню к трагическому концу.

Я очень люблю рассказ Штейнберга "Среди серебристых берез" (1919), к сожалению, на русский язык еще не переведенный. В этом рассказе молодой еврей-коммивояжер попадает на хутор, где живет еврей-додов с юной дочерью. Хозяйка так радуется неожиданному появлению милого и интеллигентного молодого человека, да и девушка, как кажется, ему приглянулась. А ведь сыскать ей жениха по душе здесь, вдали от еврейских местечек, дело непростое. И вот в один из вечеров молодые люди идут прогуляться в соседнюю березовую рощу. Стволы деревьев волшебю себерются в луноном свете, воздух напоен пьянящими летними ароматами, и девушка рассказывает гостю о том, что в этой роще астреляются украинские дивчины и парубки, когда ищут любви. И впрямь, где-то вдалеке слышалась заливиный женский смех и приглушенный мужской голос. Наша еврейская пара тоже околдована этим любовным дураном, герой поворачивается к своей спутнице и сжимает ее в объятьях. Она ласково-попышно принаикет к его груди... И вдруг острая, бесподобная мысль произает его сознание: нельзя, мне нельзя целовать ее, это чистая еврейская девушка, с ней невозможно любовь на лоне природы, с ней нельзя позволить себе любовное приключение. А жениться... Смущенный, он мягко отстраняет ее, еще некоторое время они молча кружат меж деревьями и потихоньку возвращаются домой. Утром, еще засветло, тайком, чтоб не дай Бог, не повстречаться с девушкой, он как вор покидает этот гостеприимный дом. Но она не могла спать в ту ночь. Она все поняла и вышла на пороге, чтобы проститься с ним навсегда.

В этом ли, в других ли своих рассказах, писатель словно ищет некий тайный, сокрытый в его еврейских персонажах код, из-за которого они изначально обречены на трагическую неслезлиность ни с миром людей, ни с миром природы. Этот особый код-фатум отчуждает друг от друга детей и родителей, супругов, друзей, даже случайных знакомых. Особенностью мировидения Штейнберга является то, что эта фатальная разобщенность людей получает у него сугубо национальную интерпретацию. Он чаще, чем современные ему еврейские писатели, выводит в своей прозе неевреев - всегда правдою, умея видеть их симпатичные и менее симпатичные черты, но каннова печат одиночества метит лишь его еврейских героев.

Примечательно, что живя в Стране Израила, Яков Штейнберг по-прежнему черпает темы своих рассказов из жизни в России или Европе. Та же особенность отличала многих писателей его поколения. Думается, это вполне объяснимо. Там, в диаспоре, прошли их самые восприимчивые молодые годы, в той или иной степени были знакомы и дороги тамошняя природа, тот урбанистский пейзаж; они досконально, изнутри, знали и прочувствовали всевозможные виды отношений между людьми. Но здесь, в новом ишуве, общество строилось по совершенно иным законам, возникали иные конфликты и типы взаимоотношений, а природа не вызвала живых, непосредственно видимых, звучащих и пахнущих ассоциаций, побуждая прежде всего искать аналоги в древних библейских описаниях ландшафта.

В 30-е годы Штейнберг практически перестал писать художественную прозу, он все больше занимался редактурой и с 1942 года до конца своей жизни в 1957 году работал в редакции органа союза ивритских писателей Страны Израила, ежемесечного журнала "Весы". Здесь же, на Земле Израила, Яков Штейнберг пересмотрел свое отношение к еврейскому классическому наследию и стал фанатичным поклонником библейского иврита, как в плане лексик, так - и особенно - в плане стиля. Он опубликовал несколько эссе о Танахе, призывая современных ивритских писателей заботиться об экономии художественных средств, стремиться к четканой, густого замеса прозе с тщательно выделанными абзацами и даже строками. Манифестом его новой эстетики стало знаменитое эссе "Строка", где он, в частности, заявлял:

"Идеальная строка есть сама по себе живая тема, мудрая книга в миниатюре", или так:

"Строка, представляющая собой самостоятельное творение, всегда, без исключения, является точным высказыванием, которое озрает сознание чудесным и мгновенным, как молния, образом".

Этот эстетический максимализм Штейнберга еще более сдерживал его творческую потенцию. В 40-50-е годы творчество Штейнберга кануло в забвение и было заново открыто израильскими литераторами 60-х: молодой тогда поэт Натан Зах, посвятивший ему серьезную литературоведческую статью, объявил Якова Штейнберга претечей своего поэтического поколения.

(Продолжение. Начало в № № 120-122)

Братская ГЭС

Разин продолжает свой внутренний монолог, каюсь:

"...Грешен тем,
что в мире злобства
был я добрый остопоп.
Грешен тем,
что, враг холопства,
сам я малость был холоп.
Грешен тем,
что драться думал
за хорошего царя.
Нет царей хороших,
дурень...
Стенька,
гибнешь ты заря!"

И эти слова повторяются хором:

Нет царей хороших,
дурень...
Стенька,
гибнешь ты заря!

а после них идет симфоническое утверждение-обобщение сказанного, очень важное для понимания гражданской позиции и молодого Евтушенко, и маститого Шостаковича:

Нет царей хороших, Стенька!

И Стенька-Шостакович-Евтушенко задает себе мучающий его вопрос, от которого зависит смысл всей прожитой жизни:

"Стенька,
гибнешь ты заря?"

И в этот последний момент, обводя взглядом толпу (прожитую жизнь):

И сквозь рыла,
рышки,
хари
целовальников,
менял,
словно блики среди хмари,
Стенька
ЛИЦА
увидал.

Значит, нет, не заря!

И спокойно
(не заря он, видно, жил)
Стенька голову на плаху положил,
подбородок в край изрубленный упер
и затылком приказал:
"Давай, топор..."
Покатилась голова,
в крови горя,
прохрипела голова:
"Не заря..."

За этим следует эпизод, когда народу *приказывают* веселиться:

Что, народ, стоишь, не празднуя?
Шапки в небо - и пляши!

В оркестре звучит сольный одинокий, словно сорвавшийся с места, наигрыш кларнета-рожка (Cl-riscolo, ob., cl.), в сопровождении тамбурина. Этот наигрыш "натужно-веселый", светливый, зазывающий "плясать", не найдя никакой поддержки, так и повисает в воздухе, загихает, "захлебывается" и исчезает так же неожиданно, как и появился. (Интерес-

но, что в 1954 году в очередную годовщину Октября была впервые исполнена "Праздничная увертюра", написанная Шостаковичем в 1947 году, которая затем стала почти официальным гимном всех советских праздников. И там после торжественных фанфар тоже звучит соло кларнета в быстром, можно сказать, торопливом темпе-скороговорке. Ретроспективно можно сказать, что идея одна и та же. Очень интересная многозначительная параллель!) И вдруг на призыв плясать в полной злобещей тишине:

Площадь что-то поняла,
площадь шапки сняла...

И итог этой драмы:

... С места Лобного подмоклого
туда,
где гольтыба,
взгляды
письмами подметными
швыряла голова...
Суетясь,
дрожащий попик полдетел,
веки Стенькины закрыть он хотел.
Но, напряжившись,
по-зверьи страшны,
оттолкнули его руку зрачки.
На царя
от этих чертовых глаз
зябко
шапка Мономаха затряслась,
и, жестоко,
не скрывая торжества,
над царем
захохотала
голова!..

Вот это "над царем захохотала голова" очень мощно поддержанное хором и оркестром, становится смысловой кульминацией поэмы Шостаковича. Это, можно сказать, запоздалый ответ, реванш за страхи самого композитора той власти, которая мучила его всю жизнь. Музыка завершает повествование темой, звучащей во вступлении, только здесь она воспринимается как прорыв к свету, как торжество над тьмой, вопреки, казалось бы, трагической развязке.

Остается только сожалеть, что не осуществился еще один совместный проект: Шостакович предполагал написать симфонию "Муки совести" со стихами Евтушенко. Это очень важная тема, как для Евтушенко, так и для Шостаковича. В письме к своему ученику, известному композитору Борису Тищенко, Шостакович писал: "Нельзя лишаться совести. Потерять совесть - все потерять". Именно эта совесть и не позволяла молчать двум Художникам, когда попиралось, втаптывалось в грязь человеческое достоинство.

Стихотворение "Муки совести" было посвящено Шостаковичу. Но симфония так и не была написана, как скажет позже сам Евтушенко, - "не удалось".

Муки совести

Д. Шостаковичу

Мы живем, умереть не готовясь,
забываем поэтому стыд,
но мадонной невидимой совесть
на любых перекрестках стоит.

И бредут ее дети и внуки
при бродяжьей клоке и суме -
муки совести - странные муки
на бессовестной к стольким земле.

От калитки опять до калитки,
от порога опять на порог
они странствуют, словно калики,
у которых за пазухой - бог.

Не они ли с укором бессмертным
тусклым ногтем стучали тайком
в следяные окошечки смердов,
а в хоромы царей - кулаком?

Не они ли на загнанной тройке
мчали Пушкина в темень пурги,
Достоевского гнали в остроги
и Толстому шептали: "Беги!"

Палачи понимали прекрасно:
"Тот, кто мучится, - тот баламут.
Муки совести - это опасно.
Выбьем совесть, чтоб не было мук".

Но как будто набатные звуки,
сотрясая их кров по ночам,
муки совести - грозные муки
проникали к самим палачам.

Ведь у тех, кто у кривды на страже,
кто давно потерял свою честь,
если нету и совести даже -
муки совести вроде бы есть.

И покуда на свете на белом,
где никто не безгрешен, никто,
в ком-то слышится: "Что я наделал?"
можно сделать с землей кое-что.

Я не верю в пророков наитя,
во второй или в тысячный Рим,
верю в тихое: "Что вы творите?",
верю в горькое: "Что мы творим?"

И целую вам темные руки
у безверья на скользком краю,
муки совести - светлые муки
за последнюю веру мою.

1966

Е. Евтушенко с Д. Шостаковичем

Позволю себе немного личного. В главе "Коммунары не будут рабами" есть такой эпизод:

...Просыпавшийся мир
шестелел, свистел,
когда утром росистой тропею
нас к обрыву
бандиты ввели на расстрел
под Херсоном,
в Поволжье, в Триполье
(подчеркнуто мной)

Но мы пели и пели,
голов не клоня,
на груди разрывая рубахи:
"Никогда,
никогда,
никогда,
никогда,
никогда
коммунары не будут рабами!"

Мой папа рано лишился родителей и воспитывался в киевском детском доме. Затем поступил в музыкальный техникум и, учась там, подрабатывал тапером: играл, сопровождая немые кинофильмы. И он хорошо запомнил фильм режиссера А. Анощенко "Трипольская трагедия" (1926), где речь идет о трагической гибели в 1919 году комсомольского отряда особого назначения во время гражданской войны на Украине. Окруженные бандой "зеленых", юные персонажи картины были взяты в плен, подвергнуты жесточайшим пыткам, а потом уничтожены самым чудовищным образом. Этот фильм основан на подлинных фактах гибели группы комсомольцев-добровольцев из Киева во главе с Ратманским и Фастовским, состоявшей, в основном, из выходцев с еврейского Подола. И героиня фильма - папина двоюродная сестра!

Дмитрий Цвибель
Продолжение. Начало в №122

Еврейская община имеет честь поздравить любимого ребенка

ЕФИМА ЛЕЙБОВИЧА ЛЕВИНА

с Днем рождения!

Желаем здоровья, бодрости духа и ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Встречей с Дмитрием Цвибелем начался очередной год работы программы "Семейный клуб" Региональной

Встреча в клубе

еврейской национально-культурной автономии РК. Программа, позволяющаязнакомиться с интересными людьми, слушать лекции, посещать театры и концерты, отмечать праздники в семейной обстановке пользуется заслуженным успехом. Как сказал руководитель программы Александр Модылевский, в этом сезоне необходимо увеличить "еврейскую составляющую" программы, чтобы она в большей мере способствовала воспитанию национального самосознания ее участников.

Дмитрий Цвибель принял участие в семинаре "Общественное партнерство в интересах сохранения гражданского согласия на территории Петрозаводского городского округа", прошедшего в местечке Урозере. Цель семинара, в котором приняли участие представители властных структур, религиозные деятели, представители национальных объединений, - выработка рекомендаций, аккумуляция идей, направленных на развитие то-

лерантного сознания населения, недопущение экстремистской деятельности. В ходе семинара был затронут широкий спектр вопросов по обозначенной теме, и предложен ряд практических мероприятий, призванных привлечь внимание учебных заведений, управленческих структур к проблемам воспитания молодежи в духе терпимости, уважения традиций и особенностей народов, населяющих современную Карелию.

На семинаре

Мария Гончарук, Дмитрий Генделев, Дмитрий Цвибель приняли участие во всероссийском совещании "Взаимодействие органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов, национально-культурных автономий и национальных общественных объединений по вопросам гармонизации межнациональных отношений и профилактики межэтнических конфликтов в обществе", прошедшем в Петрозаводске. Организаторы совещания: Министерство Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными

объединениями совместно с НП "Карельский ресурсный центр общественных организаций", КРОО "Содружество народов Карелии" и КРОО "Межвузовский центр межнационального общения и патриотического воспитания" при поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации.

В форуме приняли участие представители Министерства регионального развития Российской Федерации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, национальных общественных и религиозных организаций, журналисты.

Большой интерес вызвало яркое выступление Д.Цвибеля с темой "Межконфессиональный диалог на примере сотрудничества еврейской общины Петрозаводска и христианской общины Тюбингена", сопровождавшегося хорошо подготовленной презентацией, прослеживающей одиннадцатилетний путь сотрудничества двух общин. Д.Цвибель коснулся также своей недавней поездки в Цхинвали в составе делегации ВКРЕ.

М. Гончарук, Д. Генделев

Еврейская община выражает искреннюю благодарность

ЭДУАРДУ ГУВИЧУ

за помощь в проведении праздника Рош на-Шана

Наша кухня

Мясной суп с галушками

700 г мяса с костью, 2 л воды, 2 яйца, 100 г раст. масла, 3 средних картофелины, 1 ст. муки, соль.

Это прекрасная альтернатива привычному картофельному супу. Рецепт взят из старинной кулинарной книги еврейских рецептов, написанной на старославянском языке.

Положите мясо в холодную воду, доведите до кипения, уменьшите огонь. Снимите накипь и варите на слабом огне около 1 часа. Долейте холодной воды, если много жидкости выкипело.

Для клецек, отварите картофель в мундирах, почистите и мелко потрите. Перемешайте картофель с солью, маслом, яйцами и мукой и вымесите тесто. Сформируйте маленькие шарики и опустите их в кипящий бульон. Варите, пока клецки не всплывут.

Фарфл

2 стл. манной крупы, 300 г пшеничной муки, 3 яйца, 1/3 чл. соли.

Фарфл - изделия, приготовленные из яиц и муки, размером с горошину, используются для заправки супов и бульонов.

Яйца разбить в тарелку, посолить и хорошо взбить. Положить в большую широкую миску 2 стл манной крупы, чайной ложкой набрать немного взбитых яиц, положить на манку и растереть рукой. Постепенно добавляя муку и яйца, продолжать растирать всей ладонью. Фарфл должен быть круглой формы, чуть меньше горошины. Готовое изделие для просушки положить на лист бумаги или просушить в духовке на противне без масла на самом слабом огне. Можно хранить в сухом месте пару месяцев.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

**СИЛА ИУДАИЗМА В ТОМ,
ЧТО КАК ТОЛЬКО ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ОДИН ПЕРИОД В ЕГО ИСТОРИИ,
ТОТЧАС ЖЕ НАЧИНАЕТСЯ ДРУГОЙ.**

И.Гердер

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ**

СОКОЛИНСКУЮ

Ренату Петровну

ШАХНОВИЧ

Инессу Яковлевну

ЯНУШКО

Раису Николаевну

МЯКИШЕВА

Ивана Михайловича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!